

Лесная школа / Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе; под ред. А. Балакина, А. Долинина, А. Кобринского, А. Костина, О. Лекманова, М. Люстрова. — Пос. Поляны (Уусикиркко) Лен. обл., 2010. — 316 с.

ISBN 978-5-7937-0527-1

Редакционная коллегия:

А. Балакин, А. Долинин, А. Кобринский,
А. Костин, О. Лекманов, М. Люстров

Рецензенты:

кафедра русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена
д. ф. н., проф. И. Ю. Виноцкий

Издание подготовлено при финансовой поддержке:
Женевского университета,

Федерального агентства по науке и инновациям
(грант Президента Российской Федерации

для поддержки молодых ученых № МК-5487.2008.6),

Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева

- © Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), 2010
- © Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2010
- © Женевский университет, 2010
- © Петербургский институт иудаики, 2010
- © Хельсинкский университет, 2010

ISBN 978-5-7937-0527-1

*Михаил Люстров
(Москва)*

**Тема героической гибели
в русской и шведской литературах
эпохи Северной войны**

В русской и шведской литературах рубежа XVII–XVIII вв. обнаруживается большое количество произведений, содержащих характерные для эпохи барокко рассуждения о смерти, посвященные кончине монарха, вельможи или духовного лица. Однако о погибшем в бою и названном по имени воине писали лишь шведские панегиристы. Разумеется, для шведских авторов эпохи Северной войны образцом такой героической смерти была гибель Карла XII в 1718 г. (один из многочисленных примеров — надгробное слово архиепископа М. Стекиуса, в котором Карл назван «Героем и Великим Человеком», павшим в сражении¹). Известно, что в Швеции гибель короля Густава II Адольфа в 1632 г. вызвала появление большого количества «плачевных» произведений, и таким образом к XVIII в. в шведской литературе сформировалась традиция прославления павшего монарха². При этом сам вопрос о допустимости участия короля в сражении и его праве рисковать своей жизнью был дискуссионным и ставился во время правления Карла XII. Так, в книгу С. Исогеуса «Победный щит Карла» (1714) включена глава «Может ли король рисковать своей высокой персоной на поле боя», и в ней, естественно, упоминается Густав Адольф. Исогеус отмечает, что «наши Свейские и Готские Короли были не в меньшей степени королями в советах, чем сильными героями против своих врагов»³, однако в начале главы о стремлении «монарха, от которого зависит благополучие тысяч, оказываться в опасности как простому солдату»⁴ говорит как о необдуманном.

Кроме того, в Швеции начала XVIII в. появлялись сочинения, посвященные гибели высокородного героя в выигранном сражении. Так, смерти генерал-адъютанта барона Кнута Левенгаупта под Нарвой в 1700 г. посвящено стихотворение знаменитой шведской поэтессы,

«Северной Сафо» С. Бреннер и надгробное слово Д. Нурлинда. В последнем сочинении говорится, что «он стоял как Герой на своем месте, как Воин на своем посту» и «предпочел встретить своих врагов лицом, а не повернувшись к ним спиной», «и он мужественно дрался и пал», и «своей смертью добыл себе честное имя»⁵. В шведской панегирической литературе распространенным приемом является прославление павшего героя через имя. Так, в сочинении Нурлинда говорится об отсутствии необходимости искать героев среди римлян, поскольку на Севере было истинное Львиное сердце, «Leynhufwud (львиная голова — М. Л.) было его Имя, Львиное мужество было в его Душе, льва носил он на своем щите и львиное сердце в своей груди, поэтому он не берег и свою собственную жизнь, поэтому презирал он и свою собственную смерть» (примечательно, что в панегирике шведского проповедника каролинской эпохи Г. Флорена, посвященном победе шведов под Клишевым в 1702 г., обнаруживается схожий ряд «львиных» сопоставлений, но уже вне всякой связи с именем героя: Карл XII «...носит Льва на своем щите, Львиное мужество в своей груди и уже известен как Лев в поле...»⁶; вероятно, мы имеем дело с распространенным панегирическим приемом). В шведском стихотворении, посвященном смерти в 1703 г. коменданта Риги Дальберга, говорится, что «хотя герои умирают, их имена остаются / к бессмертной похвале и никогда не забываются / И потому героическая похвала графа Дальберга будет жива / так же долго, как в Швеции будет существовать равнина (Dahl) и гора (Berg)». В сопровождающем издание надгробного слова Кнута Левенгаупта стихотворении брата покойного, Карла Леонарда Левенгаупта, говорится, что герой «достойно носил Имя рыцарского рода» и, в следующей строфе, что «он в жестоком сражении возле короля стоял / и за своего короля пролил свою благородную кровь». Рыцарственность Кнута Левенгаупта проявилась в том, что он пал на глазах короля и за короля (в тексте слова на погребение отмечается, что «Великий Король сам видел его гибель» и что «может считаться необычайным счастьем, что он пал на глазах своего Короля как воин-герой», в названии «приложения» к слову, состоящего из стихотворений на шведском, французском и немецком языках, говорится о жертвенной гибели «за нашего дорогого и милостивого Короля и за свою Родину»).

В России же, как известно, сам царь пытался привить отечественной культуре основанную на представлении о рыцарской чести и доблести идею героического деяния. Известно, что Петр ввел в «погребальную процессию военачальников» скорбного рыцаря⁷, и «в обряде появления рыцарей на похоронах, издавна распространенном в Европе, он про-

зорливо угадал идею рыцарского эпоса»⁸. Кроме того, в Петровское время издавались сочинения, содержащие рассуждения о героической гибели и посмертной славе. Так, в «Истории о разорении последнем Святого Града Иерусалима от римского Цесаря Тита, Сына Веспасиана» И. В. Паузе приводит слова Тита, обращенные им к своим воинам перед штурмом города: «...на стену же взойти великое быти дело и аз сужду: но иже сие сотворит, вящшую всех честь и славу получит. В получении же славы аще кому случится и умрети, хвално есть»⁹.

В 1708 г. в связи с гибелью князя П. М. Долгорукова в сражении при Головчине тем же И. В. Паузе были выполнены стихотворные переводы двух немецких духовных песен XVII в.¹⁰ Однако о героическом самопожертвовании павшего воина в них не говорится ни слова¹¹. Как правило, русские авторы писали о смерти прославленных полководцев или родовитых вельмож, воевавших, но не погибших в бою. Так, военная служба покойного аристократа упоминается в некоторых надгробных словах Димитрия Ростовского (ему принадлежат «Слово на поминаение Иоанна Семеновича Грибоедова, столника» и «Слово на поминаение Тимофея Борисовича окольного, иже сын бѣ боярина Бориса Гавриловича Юшкова»), смерти фельдмаршала Б. П. Шереметева в 1719 г. посвящено надгробное слово Гавриила Бужинского (Concio in funere illustrissimi Domini Boryss Petrowitz Szeremetow, exercituum S. C. M. Feldmareschalli et ordinis S. Andreae equitis). О последнем сказано, что он «не бояся тмочисленных смертей, в поли марсове приключаяющихся»¹², что он принадлежал фамилии, испокон веков служившей российским государям («...кто бо от древле сию преславную фамилию в России почтенную не весть? кому при прежних государех прадедов и дедов его заслуги, ироическия дела, славныя над разными неприятели росийскими победы неведоми?»¹³, подробно рассказывается о военной службе покойного¹⁴. Естественно, это сочинение находит соответствия в шведской литературе. Так, в 1707 г. были изданы надгробное слово и «краткая речь» на смерть в Альтранштадте в Саксонии капитан-лейтенанта лейб-драбантов и генерал-майора от кавалерии графа Карла Врангеля. В следующем за текстом жизнеописании рассказывается о старинном роде Врангелей («Свое происхождение он ведет от старого и с давних времен знаменитого в Швеции рода Врангелей, которые своей верной службой и великими деяниями заслужили у Высокоблаженных Королей прошлого право быть переведенными с одной почетной службы на другую и, наконец, на высочайшую в рыцарском сословии») и подвигах покойного героя на поле сражения: в конце XVII в. он участвовал в европейских войнах, сразу после того,

как «враги Его Величества столь вероломно вступили в границы государства», Врангель со своими драбантами сопровождал короля, «решившего собственноручно низвергнуть вражескую самоуверенность». Он проявил себя во всех основных сражениях первых лет Северной войны, под Нарвой, при Дюне, при Клишове и т. д. «Не мужественно ли вел он себя во время удивительной помощи городу Нарве? Не горела ли храбрость в его глазах во время атаки на Дюну в 1701 г.? Его малый отряд вскоре один противостоял всей вражеской коннице и гнал ее...»¹⁵ При этом в тексте неоднократно подчеркивается, что молодой генерал умер от смертельной болезни, «смерть проникла через окно вверху королевского дворца, здесь последний день, день жизни, раньше, чем вечер, пришел, да, раньше, чем наступил полдень счастья, славы и возраста высокоблагословенного господина графа»¹⁶. Страницей ранее этот же фрагмент сопровождается ссылкой на ветхозаветный источник: «Мы сожалеем, что смерть, подобно вору, не прошла через дверь, напала через наше окно и прошла в наш дворец, как сказано у Иеремии. 9:21». Отметим попутно, что в шведских проповедях эта цитата встречается достаточно часто. Например, в проповеди 1707 г., сочиненной немецким профессором теологии И. Ф. Майером и переведенной на шведский язык Я. Гарволио, рассуждения о грехе сопровождаются цитатой: «Смерть проникнет через твои окна и придет в твой дворец, чтобы сразить детей на улицах и юношей в переулках. Иер. 9:21»¹⁷. По всей видимости, автору слова на смерть Врангеля необходимо отметить, что герой умер не просто во дворце, но именно в «королевском дворце»: по этой причине библейский текст «обрабатывается» и как цитата не оформляется. Конечно, сходство слов на смерть Шереметева и на смерть Врангеля также весьма относительно: герой шведского сочинения — молодой и смелый генерал (и поэтому, как и в слове на гибель К. Левенгаупта, здесь говорится о его «неустрасимом мужестве»), русского — пожилой «вождь ... благоискуснейший», одержавший многочисленные победы над внешними и внутренними врагами. Вместе с тем в обоих этих сочинениях рассказывается о смерти высокопоставленного военного, прославившегося своими подвигами, умершего во время победоносной войны, но не на поле брани.

Кроме того, существуют шведские сочинения, посвященные смерти знаменитых полководцев, например прославленного генерала А. Л. Левенгаупта, скончавшегося в Москве в том же 1719 г. В изданном в 1724 г. слове шведского проповедника Ю. Поссета на погребение Адама Левенгаупта в 1722 г. «Мед из скалы, или Тайна Креста» перечисляются сражения, в которых участвовал покойный военачальник, отмечается,

что в битве под Лесной победившие русские потеряли вдвое больше солдат, чем проигравшие шведы, а под Полтавой Левенгаупт атаковал противника и обратил его в бегство. Как в слове на смерть К. Левенгаупта и в панегириках Карлу XII, в сочинении Поссета говорится о «львиных» качествах покойного А. Левенгаупта: «Ты, о Небо, забираешь у нас Лейонхювюда, который имел сердце Льва и при перемене счастья был прямодушен, как юный Лев»¹⁸. При этом, в отличие от Шереметева, А. Л. Левенгаупт пережил капитуляцию и умер от болезни в «тяжелом и прискорбном» плену¹⁹. Отметим также, что слово на погребение генерала А. Левенгаупта вышло через несколько лет после окончания Северной войны, когда тема гибели на поле боя утратила свою актуальность.

Известно, что в русской панегирической литературе эпохи Северной войны присутствует тема личной доблести и возможной гибели участвовавшего в битве Петра I. В «Слове благодарственном о победе, полученной под Полтавой» Гавриила Бужинского говорится, что «...забыв себе царя быти, воинскую на себе восприяв ипостась, на стрели и мечи, на пушечныя громи и мушкетныя молныя себе представы»²⁰. Спасение царя русский проповедник объясняет присутствием Бога и его заботой об «избранных своих». В свою очередь, в шведском «Кратком, но правдивом рассказе» о победе под Нарвой в ноябре 1700 г. о Карле XII говорится, что он «подвергался всем опасностям, как самый простой солдат», однако по милости Бога и «к неопикуемой радости и восторгу верных подданных остался невредимым»²¹. В отличие от русского панегирического слова, в шведском описании «невредимость» Карла с особым расположением Бога к Швеции не связывается. Как представляется, это отличие объясняется жанровыми особенностями русского и шведского текстов: в реляции подобные умозаключения едва ли уместны. В свою очередь, в «Новогоднем пожелании Швеции» (1708) Ю. Дикмана отмечается, что «...Его Величество с Божьей помощью победил» под Нарвой и что король находился под защитой Бога, хотя «он свою жизнь и кровь для нас не хранил»²². Как и в панегирическом слове Гавриила Бужинского, в панегирическом стихотворении Дикмана Бог приносит шведскому монарху победу и, несмотря на его нежелание беспокоиться о собственной безопасности, сохраняет ему жизнь. При этом в шведской литературе об избавлении монарха от смертельной угрозы рассказывается не только в победословиях. Так, в проповеди Шредера 1713 г. повествуется о милости Бога, спасшего короля во время «калабалыка в Бендерах»²³. В русской литературе Петровского времени эта тема отсутствует как таковая.

В русских панегириках отмечается, что царь сражается «как майор смелый»²⁴ или, подобно Карлу XII под Нарвой, как рядовой солдат. В «Слове похвальном на рождение государя царевича и великого князя Петра Петровича» Гавриила Бужинского «необычное» самопожертвование царя в сражениях под Лесной и Полтавой сопоставляется с «обычной» жертвенностью простых воинов: «...зде бо не воин пред очесами царя своего мужественно на неприятеля исходит, смертию себе хотя вечнующую стяжати память, но, что едва равное в примерах, царь пред очесами воинов своих, пред своими владомими, рабы, подданными за здравие их, за их целость подвизается»²⁵. Как и шведские авторы, русские панегиристы Петровского времени говорят о героической гибели на поле боя, однако в русской литературе подобные рассуждения являются лишь обязательным элементом победословий и к теме павшего героя отношения не имеют.

В русских текстах начала XVIII в. гибель воинов в сражении рассматривается как долг и основание для радости («Радуйтесь же и вы и торжествуйте российстии флагманы, капитаны и все христолубивое воинство, здравия своего за отечество и государя своего нещадающи, и о житии своем небрегущии: вам мученический венец уготован есть, вы оставшии вся мирская пристрастия, в царствии небесном сторицею воспримете и живот вечный наследите») («Слово о победе, полученной у Ангута»²⁶ Гавриила Бужинского) или «Блаженные убо души ваша, воины православныи, под Полтавою сичевую чашу испивши: вы ныне упиваетесь от изобилия в дому Господни» — «Слово благодарственное ... о полученной победе ... под Полтавою» Гавриила Бужинского). В послесловии к «Царскому пути Креста Господня» Иоанна Максимовича говорится о готовности русских солдат погибнуть за своего царя:

Счисляти бо кождо по Имени славном,
Не довлѣет мужество слов их вездѣ явном,
Всѣ славны, всѣ похвалны, всѣ суть мужественны,
Паче древнѣйших времен Богом прославленны.
Течаху бо радостнѣ предпобѣждающе,
Доброхотнѣ здравие в бранѣ предающе.
Готовы тысящию за Царя умрѣти,
Побѣдителя Царя над Шведом узрѣти.

Русские панегиристы (не только Иоанн Максимович) говорят о русском мужестве, которое, как следует из слова Гавриила Бужинского на рождение Петра Петровича, «... состоит на нерадении о смерти за государя». Для сравнения отметим, что в шведской литературе о ги-

бели солдат пишут в сочинениях самых разных жанров: например, в проповеди Хагарда, повествующей о грехах шведов и «бьющем на Севере кровавом источнике», говорится, что «мстящий острый меч может ... низложить храбрых героев в народе». О долге перед королем и отечеством здесь не говорится ни слова.

О высокопоставленных воинах, не боявшихся смерти в Полтавском сражении, сказано в «Слове похвальном о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича: «Отовсюду чаяние смерти, а дымом и прахом помрачился день; непрерывающая стрельба, а упор неприятельский неприклонный. Но сердца российская ваша, храбрѣйшии генералы и протчии офицеры, ваша вси воины дерзостнейшии, сердца забыли телеснаго своего состава, возомнилися бытии адамантиновы, или паче забыли житейския сладости и смерть предпочли на житие: так вси прямо стрельбы, в лице смерти, никто же вспяты не поглядает; единое всем попечение, дабы не с тылу смерть пришла»²⁷. Несмотря на очевидные переключки этого пассажа с панегириком К. Левенгаупта (в обоих случаях упоминаются генералы, встречающие смерть лицом), в русском тексте имена героев не называются и речь идет о массовом героизме и самопожертвовании царских командиров.

Можно предположить, что с отсутствием в русской литературе Петровского времени темы славной и подробно описанной гибели родовитого героя связана «ограниченность» употребления распространенного в европейской литературе мотива написания кровью военной истории. Очевидно, что такой «документ» может быть создан как кровью потерпевших сокрушительное поражение врагов, так и павших «патриотов» (так Ю. Пассет называет покойного Адама Левенгаупта). Применительно к врагам этот мотив употребляют как шведские, так и русские авторы. Например, в стихотворении С. Бреннер, посвященном гибели К. Левенгаупта под Нарвой в ноябре 1700 г., сказано, что «...память написана черной русской кровью»²⁸, в стихотворении Ю. Вервинга «На победы, полученные королем Карлом XII» о короле говорится, что «о своих подвигах он написал / кровью Русских и Саксонцев», а в «Ляврее» И. Кременецкого, посвященной А. Меншикову, отмечается: «В пишет на память омочши трость в крови / Враг излианной с сичевом словы. / Князь Александер звѣря гордочтенна, / Смирил язвенна». В то же время о записи, сделанной кровью принесшего себя в жертву и павшего на поле битвы героя, говорится лишь в шведских сочинениях. Так, в надгробном слове Кнуту Левенгаупту Нурлинда отмечается, что люди, «не щадящие ни жизнь, ни кровь, становятся кровавыми жертвами», но в соответствии «с принятым во всем мире законом, удо-

стаиваются вечной чести и повсеместно восхваляются; они записывают собственной кровью свое имя на Троне Чести». Не случайно шведские авторы XVII—начала XVIII вв. упоминают «памятную надпись», сделанную кровью самого Христа. Так, говоря в одной из своих проповедей о страстях Христовых, шведский проповедник и поэт Х. Спегель отмечает: «Гвозди были пером, Кровь была чернилами, которыми он написал эти слова: Так Бог любил мир»²⁹.

По мнению шведских авторов эпохи Северной войны, летопись военных событий может быть написана кровью героев, принимавших участие в походах Карла XII, подвергавших свою жизнь опасности, но оставшихся в живых. Так, в стихотворении Ю. Хайденсрауха отмечается, что шведские генералы «отложили в сторону свои шпаги и пишут жизнеописание нашего короля / Описывают собственной кровью кровавые предприятия, которые он пережил, / Когда он во главе вас шел навстречу опасности»³⁰. Вместе с тем это стихотворение создано в 1718 г., посвящено смерти Карла XII, таким образом, и здесь о записи кровью говорится в связи с героической гибелью воина. В своих произведениях Нурдлинд и Хайденсраух разрабатывают сходные, но все-таки различные мотивы написания героической истории кровью погибшего или кровью соратников погибшего. Однако, как показывает материал, в шведской литературе каролинской эпохи мотив создания кровавых анналов присутствует только в панегириках на смерть героя.

Напрашивается предположение, что отсутствие в русской литературе Петровского времени темы героической гибели высокородного воина на поле боя объясняется отмеченным современниками-иностранцами «московитским» отношением к индивидуальной храбрости и рыцарской самоотверженности. Так, хорошо известно «пасквильянокое» наблюдение посетившего Россию в самом конце XVII в. секретаря императорского посольства И. Г. Корба: «Московиты не знают, что в человеке таится некая божественная искра, в силу которой доблесть ведет его похвальное честолюбие к венцу славы, не взирая на самую смерть и раны»³¹. По мысли Корба, сама идея героической гибели была чужда русскому сознанию. Оставляя в стороне вопрос о справедливости этого суждения (для нас важен лишь сам факт существования такого отзыва), отметим, что в русской литературе начала XVIII в. описания подвигов жертвующих собой русских героев-рыцарей распространения не получили, и образ воина, павшего на поле брани, появился в отечественной поэзии лишь во второй половине XVIII в. Например, в «Письме Василью Ильичу Бибикову о смерти князя Федора Алексеевича

Козловского, который скончал жизнь свою при истреблении турецкаго флота российским, быв на корабле «Евстафии» (1770) В. Майкова о смерти героя говорится: «Художесть и наук Козловский был любитель, / А честь была ему во всем путеводитель: / Не шествуя ль за ней, он жизнь свою скончал / И храброй смертию дела свои венчал» или «Сие одно меня в печали веселит, / Что он окончил жизнь, как долг и честь велит»³². В произведениях русской поэзии середины—второй половины XVIII в., содержащих описания сражений Северной войны, упоминаются не щадящие своей жизни герои. Так, в поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1756—1761) рассказывается о подвиге раненого во время штурма Нотебурга в 1702 г. «предводителя на приступе князя Голицына» (генерала-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына, участника основных сражений Северной войны, будущего президента Военной коллегии, сенатора и члена Верховного тайного совета, умершего в 1730 г.).

Примечательно, что в первой четверти XVIII в., как правило, лишь расположенные к России иностранцы называли покойного российского монарха павшим воином. Так, в письме шведа И. Цедергельма А. И. Остерману о кончине Петра I говорится: «великий воин паде, какого Россия никогда не видела»³³. Для сравнения отметим, что в «Элегии о смерти Петра Великого» В. К. Третьяковского «бегущий» Марс называет Петра «воином сильным», но о его героической гибели не говорит ни слова³⁴.

В свою очередь, в шведской литературе начала XVIII в. для появления этой темы существовали «особые условия». Известно, что, в отличие от Петровской России, в каролинской Швеции было издано большое количество надгробных слов, а в шведские поэтические сборники обязательно включался раздел, составленный из стихотворений на погребение. Таким образом, слово Нурлинда на смерть Кнута Левенгаупта оказывается одним из многочисленных шведских изданий, посвященных кончине знатного вельможи, а описанная в нем героическая гибель молодого генерала — одним из возможных «видов» смерти, ставших предметом рассуждения шведских авторов. Не случайно в шведской литературе слова на погребение павшего в битве героя публиковались не чаще, чем сочинения, повествующие о кончине придворного бухгалтера, придворного проповедника, знатной дамы и т. д. Строго говоря, о смерти на поле брани некоронованного героя шведские авторы начала XVIII в. писали лишь в связи с гибелью К. Левенгаупта. Появление произведений Нурлинда, Карла Левенгаупта и С. Бреннер может объясняться «огромной важностью» этого трагического происшествия.

Примечания

- ¹ The Lyristnas Mödosamma Wandring / Och ther på följande Saliga Rolighet / Af Patriarchens Jacobs Taal Ut i Skapelse Bokens XLVII; Cap. 9. v. Korteligen förestäldt / ... Andelöse Lekamen / med Konglig pracht och heder / Infördes uti sin Hwillo=Kammar / i Riddareholms Kyrkio / i Stockholm then 26 febr. 1719. Af MATTHIA STEUCHIO, Then H. Skrifts Doctor och ArchieBiskop i Upsala. Upsala, 1721 S. 42.
- ² Например, собрание «Поэмы на смерть короля Густава Адольфа (на нескольких языках)» (Palmsk. saml. 38), куда включены стихотворения на латинском, французском, голландском, немецком и т. д. языках. Естественно, о гибели короля писали и шведские авторы (например, «Трены, или Горестный плач» 1633 г. или «Трены, или Жалобное писание» (Стокгольм, 1641) И. Нортеля (Palmsk. saml. 385)). Известно, что король-воин Карл XII подражал своему героическому предшественнику: в «Анекдотах о короле Густаве Адольфе II, или Великом» (Стокгольм, 1780) рассказывается, что победив в 1706 г. саксонцев и оказавшись у Лютцена, Карл XII сказал: «Я старался жить, как он. Возможно, Бог наградит меня столь же славной смертью».
- ³ *Isogaeus Simon*. Carla seger=skiöld Hwilken Then Stormächtigste Konung Carl XII Wår allernådigste regerande Konung Så wål som forna Swea och Götha konungar / I synnerhet af then Gustavianiske Stammen härkomne / I alla tider med Swenska och Götha män / til sitt och theras ewigtwarande beröm / emot sina och Riksens många / mächtige och häftiga Fiender omfördt / och med then Friden hemfördt hafwa. Efter Gudz Ord / natursens och alt Folks Lag / samt Gudfruchtiga och tappra Hieltars exempel / sedder och afritader. Stockholm, 1714.. S. 461.
- ⁴ *Ibid.* 454. Русские панегиристы, писавшие о судьбе Карла после Полтавы, отмечают, что, не погибнув на поле боя и не разделив судьбу своих солдат, шведский король оказался окончательно обесчещенным: «Аще бо бы на ратном поли со прочими убиен был, дал бы тебе (Петру — *М. Л.*) славу, но и часть славы себе оставил бы, яко до смерти мужественне подвизавыйся; егда же со студом избеже, самым своим страхом и трепетом велегласно всему миру свидетельствует, яко нестерпима есть сила твоя и яко Господь сил сокрушайя брани мышцею высокою, поборствует по тебе» (Феофан Прокопович. Слово похвалное ... С. 195). Характерно, что для русских панегиристов бегство с поля боя бесчестнее не только гибели, но и сдачи в плен: «Поноснее бо есть бежати от брани, неже пленену быти» (Торжественные врата, водящая в храм бессмертных славы. (Панегирическая литература Петровского времени... С. 135).
- ⁵ *D. Nordlind*. Den i Lifwet af allom älskade i Döden Billigt Ährare Kungl. Mah: ss Tro=Man och General Adjutant Högwälborne Frijherre Herr Knut Axels=Son Leyonhufwud Arfherre till Ädö och Erstawijk hwilken de Tappre Hieltar lijkt sitt trogne Hierta bewijsade med sitt ädla Lijfs och Blods upoffrande i den glorieusa och för hela werlden understora action wid Narva år 1700 den 20 Novemb. Palmsk. saml. 22d.
- ⁶ *Triumph-Basun i Norden Öfwer*. Then Stoormächtigsta Konungz Konung CARL den XIItes Härliga Seger Emot thes Fienda / Konungen af Polen / wid Cliscou I Lilla Polen / den 9. Julij innewarande år / Ljudande Uppå Tacksäjelse=Dagen ... 20 Novemb. 1702. S. 95.
- ⁷ *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб, 1996. С. 41.
- ⁸ Там же. С. 42. По наблюдению Э. Зицера, тема «рыцарственной доблести» Петра разрабатывается в 1690-х гг. в посвященном I и II Семеновским походам «Описании великого и страшного бою, который был в нынешнем 200 году октября 6, и в 7, и в 9 числех у его пресветлейшего Генералиссимуса Фридриха» (*Зицер Э.* Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 64). По мнению Е. В. Анисимова, Северная война «... вытекала и из агрессивности молодого царя, который, как и его коронованный приятель Август II и коронованный же враг Карл XII, искал, в соответствии с рыцарской этикой, “поле”, чтобы утвердить себя как государя-воина и, конечно, как победителя» (*Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 14).
- ⁹ История о разорении последнем Святаго Града Иерусалима от римскаго Цесаря Тита, Сына Веспасианова. Вторая о взятии славнаго столичнаго Града Греческаго Константинополя (иже и Царь Град) от турскаго Султана Махомета втораго. СПб., 1723. С. 101. Известно, что первый русский перевод «Истории Иудейской войны» был создан на Руси в XI–XII вв., и таким образом тема героической гибели на поле сражения появилась в русской литературе на самом раннем этапе ее существования. Больше того, по предположению А. А. Пауткина, описывая индивидуальные подвиги русских воинов, автор «Повести и житии Александра Невского» ориентировался на аналогичные описания в книге Иосифа Флавия (История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. М., 2008. С. 99). В самом деле, если в «Истории Иудейской войны» рассказывается о смерти окруженного врагами «сотника Иулиана», то в «Повести и житии Александра Невского» — о гибели окруженного врагами дружинника Ратмира.
- ¹⁰ *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Из истории развития русской поэзии. СПб., 1902. С. 208–209.
- ¹¹ *Praxis Pietatis Melica*. ОР БАН. 16.7.20. Л. 83 об.–84 об.
- ¹² Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 317.
- ¹³ Там же. С. 318.
- ¹⁴ Там же. 319–320.
- ¹⁵ Höga Guds Barnas Tanckar / då hans Kongl. Majj: ss wår Allernådigste Konungs fardom / Troo Man / Capitaine Lieutenant af des Lijf=Drabanter och General Major af Cavallerie, den Högwälborne Herren och Grefwen / Grefwe CARL Wrangel, som i Herranom afsomnade den 29 Majj 1707 uti Hans Kongl. Majj: ss Qwarteer Altranstadt, blef med Christelige Ceremonier begrafwen uthi Kyrckian i Ketzschav i Sachsen / Uthi Hans Kongl. Majj: ss Egen Höga och Hans Majj: ss Råds och Generalers etc. Högförnåma Närwaru / den 4 Junij nästf: som war Tredie Dag Pingst / Upstälte af Ap. Pauli Epist: til de Philip. III. cap. 20. och 21. V. Personalial // Palmsk. saml. 431.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 2.
- ¹⁷ Twenne Book=och Bättrings Predikningar / af den widtberömbde Theologo Doct. Joh. Friderich Majjer / General Superintendent uthi Pommern / samt Procancellario och Professore Promario wid Kongl. Universitetet i Gripswald för någon tijd i Tyskland håldne / och nu på Swenska öfwersatte: samt å nyo uplagd en Synodal=Predikan Om Helfwetet / af Jacob Garwolio. Åbo, 1707. S. 45.

- ¹⁸ Hannog uthu Helleberget eller Korsets Hemlighet framtedde tå Kongl. Maj: ts Högtbetrodde Man / Sweriges Rikes Råd och General en Chef wid Hans Kongl. Maj: ts Armée i Lifland / samt Gouverneur uthi Riga och Curland / med the therest innehafde fästningar: Then Högwälborne Grefwen och Herren Adam Lud. Lewenhaupt, grefwe til Falckenstein / Friherre til Ripholtz c. c. Herre til Johannesberg / Charlotteborg / c. c. Med högtansenlige och sorgprydliga Ceremonier beledsagades til sina Fäders Graf i Stockholms Kongl. Riddareholms Kyrckio / then 29 Maji Åhr 1722; uthi en Christelig Lijk=Predikan: kyrckioherden thersammastådes Johan Possieth. Stockholm, 1724. S. 375.
- ¹⁹ После поражения под Полтавой покинувший армию Карл XII поручил командование А. Левенгаупту. Король не простил своему генералу капитуляции под Переволочной и отказывался предпринимать шаги к его освобождению из плена. Вступившая на престол после гибели Карла XII Ульрика Элеонора намеревалась найти способ освободить Левенгаупта, но он умер в начале 1719 г. (Nordisk familjebok Konversationslexikon och realencyklopedi. Stockholm, 1912. V. 16. S. 297).
- ²⁰ Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979. С. 253.
- ²¹ Kårt doch Sanfärdig Berättelse om den GLORIEUSE och i Manna minne Oförljklige Seger hwarmed den Aldrahögste GUD den 20. November hafwet behagat wälsigna Kongl: Maj: ss af Sverige Rättmätige Wapn emot dess trolöse Fiende Czaren af Muscow... / Palmsk. saml. 51. S. 269.
- ²² Sweriges Nyåhrs=Önskan til inträdet af 1708. Sinom Stormächtigste allernädigste Konung CAROL den XII. In för den Himmelske Majestätens Altare medh Landzens innerlige hiertans Glädie=suckar troligast anropad och stundeligen förebeden. Stockholm / Palmsk. saml. 387. S. 1388.
- ²³ Palmsk. saml. 57. S. 590.
- ²⁴ Хвала на славы пространного одоления от всепресветлейшаго и державнейшаго великаго государя царя и монарха Петра Алексеевича над шведами у Полтавы июня в 27 день 1709 года. Жертвенно поднесено его царскому величеству при триумфальном приходе в Москву декабря в 21 день. Б. м. и г. Л. 12 об.
- ²⁵ Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727) Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 94.
- ²⁶ Панегирическая литература Петровского времени... С. 233.
- ²⁷ Там же. С. 215. В переведенной в Петровское время со шведского языка «Молитве высокого лица Командующаго над войском» говорится о храбрости военачальника, но едва ли речь здесь идет о личной доблести («Господи, дая храбрость и мудрость, даждь мне и неустрашимое сердце, когда мне неприятелю встречу итить») (ИРЛИ, древлехранилище, кол. В. Н. Перетца. № 215. Л. 120 об.). Как следует из тех же молитв, храбрость в бою должен проявлять офицер: «Молю ти ся дати мне то Тебя ради, о Господи, даждь мне в брани смерти не бояться и страху ради перепятие чинит службу мне поврученную верно отправить» («Молитва офицеру» — там же. Л. 121 об.).
- ²⁸ Sophiae Elisabeth Brenners Uti åtskillige Språk Tider och Tilfällen författade Poetiske Dikter. Stockholm, 1713. S. 31.
- ²⁹ Цит. по: Ekedahl N. Det svenska Israel. Myt och retorik i Haquin Spegels predikokost. Studia rhetorica Upsaliensia. 1999. S. 147.
- ³⁰ Enfaldig doch Wälment Uppmuntring til så wäl innerlig Sorg och Gråt öfwer Wår Allernädigste Konungs Konung CARL den Tolfte / Blorwyrdigst i Åminnelse / Högstbeklagelige Frånfälle / som hiertelig Tröst och Fägnad öfwer Wår Allernädigste Arf-Princessas och DROTTNINGS anträde til Den Konglige Thronen och Regeringen. Skrifwen den 20 Decemb. 1718 af Johan Heidenstrauch. Stockholm / Palmsk. saml. 57. S. 717.
- ³¹ Корб И. Дневник путешествия в Московское государство. М., 1867. С. 211.
- ³² Майков В. Избранные произведения. М., Л., 1966. С. 275–276.
- ³³ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964. С. 193.
- ³⁴ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М., Л., 1963. С. 58.